ЧУЖАЯ КРОВЬ, ЧУЖОЙ ВЕНЕЦ

Сергей Алексеев

Хроники Этериума: Чужая кровь, чужой венец

«Автор»
2026

Алексеев С.

Хроники Этериума: Чужая кровь, чужой венец / С. Алексеев — «Автор», 2026

Старый король умер в одну ночь, а его наследник после покушения вернулся пугающе чужим — и ведёт страну к конфликту. При дворе шепчутся о подмене, вот только древний источник признаёт в нём родную кровь.Полуальву Мареку Борте нет дела до чужих тронов: пять лет назад его тихо списали из разведки за попытку вывести на чистую воду предателя наверху, и с тех пор он живёт охотой в глухом лесу. Но одной осенней ночью ему сжигают подворье и приносят весть о гибели последнего старого товарища за границей.У Марека есть семь дней, один охотничий нож и нежелательная союзница из вражеского дознания — иначе две страны умоются кровью.

© Алексеев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел на крыльце 5
Глава 2. За линией тиса 12
Глава 3. Холодный ожог 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Хроники Этериума: Чужая кровь, чужой венец

Глава 1. Пепел на крыльце

До рассвета оставалась неполная склянка. Ветер с Глухой Старицы потянул ивняком и хвоей. Сидя на корточках за выворотнем, Марек не шевелился и лишь изредка разминал ладонью левое колено: на сырость оно наливалось знакомой ломотой. Память о службе, подарок со столичной брусчатки шестилетней давности. Срастить надорванную связку слободской целитель взялся бы за пару серебряников, да проку чуть: поломку-то формула уберёт, вернёт ткани к целому виду, а пустую, отвыкшую от упора мышцу за тебя никакой лекарь не нарастит. Её приходится нахаживать самому, через пот, приседания и хромоту, иначе нога в нужный миг подвернётся колодой.

Поодаль ниже по склону хрустнул сушняк. Не олень: тот ставит копыто с оглядкой и то и дело замирает слушать чащу. Секач шёл нагло, ломил грудью ледяной наст в промоинах, будто весь бурелом до излучины отписали на его имя. Мужики три дня грозились собраться с вилами да собаками, но зверь средь бела дня распорол у вдовьего выгона пёструю ярку да подтелка и порвал лучшую гончую старосты. Крикунов поубавилось. Пришли с поклоном к Мареку. Он перехватил древко рогатины ближе к перекрестью, туго перетянутому сыромятью; ладонь легла в обжитую выбоину на ясене.

В овраге качнулся тростник.

Потянуло свалявшейся щетиной, ржавчиной болот и холодком на скулах, каким веет от матёрой скотины с густым откликом. Умный попался. Обычный кабан на осеннем жиру прёт напролом, роет клыком дёрн в поисках желудей. Этот у края лощины оборвал шаг. Ни сопения, ни чавканья. Затаился за лозняком, тянет воздух пятаком и смекает, отчего на косогоре разом притихли синицы. В лоб не сунется: обойдёт низиной и ударит сбоку, где орешник реже и человеку меж корней не развернуться с древком.

Вес тела беззвучно лёг на правую ступню; каблук вмялся в глину.

Считать в лесу приходилось так же трезво, как встарь на чужих чердаках: шаги до кустов, крутизна ската, опора под пяткой, запас вдоха на один встречный упор. Шестьдесят восемь лет за плечами хороши тем, что суета из крови выветривается начисто. Полуальву отпущено вдвое дольше человечьего века. В эти годы иной ещё смотрится поджарым мужиком под сорок пять, да проседь на тёмных висках и кабаньи клыки об эту арифметику не тупятся.

Внизу, в камышах у воды, затрещало и ухнуло по тине. Будто туша сорвалась с бережка и пошла ломить к броду, прочь от засидки.

Неплохая уловка. Молодой стрелок уже вскочил бы во весь рост, боясь упустить зверя в тумане. Марек к воде и головы не повернул, лишь скосил глаза влево и вверх, на гребень оврага за лещиной. В камышах качнулась одна метёлка: секач спихнул в бочаг подгнивший чурбак, а сам, прижимаясь брюхом к листве, пошёл кругом по верху. Подвели его две мелочи. С кручи под осиной осыпалась горсть земли, и следом сварливо цокнула в ветвях сойка.

Ближе. Вот уже у края кустов.

Горбатая махина вылетела из-за орешника мимо тропы и пошла наискось сверху вниз таранным броском, без визга. Щетина в репьях стояла торчком, из-под губы белели кривые клыки в ладонь. Тварь метила под колени: сбить охотника в промоину меж корней и там доработать рылом.

Отпрыгнуть назад в бурелом значило подставить бок. Марек шагнул навстречу и вправо, сходя с линии, упал на правое колено и всадил комель рогатины в развилку елового корня за спиной.

Секач налетел на остриё со всей дури. Ясень выгнулся дугой и треснул по сучку. Перо вошло под грудину, увязло до поперечины. Обычного зверя рожон удержал бы, но этот рванулся вперёд и со сталью в теле, крутнул башкой. Клык со скрежетом чиркнул по оковке, содрал сыромять и полоснул голенище ниже колена. Древко расщепилось вдоль волокон; лучина пропорола рукав. В ноздри шибануло псиной, жжёным рогом и кровью. Держать пятнадцать пудов бешеного мяса расчёта не было. Марек разжал левую кисть, завалился плечом на откос и пропустил оседающую тушу рядом с собой. В перекате выхватил из ножен разделочный нож. Кабан рванулся крутнуться, взрыл копытами лист, роняя на мох пену, но на второй заход сил не хватило. Охотник навалился со слепого левого бока, упёрся локтем в жёсткий загривок и по самую рукоять вогнал клинок за лопатку. Провернул и откатился к осине, подбирая ноги.

Зверь дёрнулся всем телом, боднул клыками пень, выдохнул во мглу белое облако и повалился на бок, подмяв бересклет. По хребтине прошла последняя судорога. Холодок сильного отклика погас не вдруг: постоял над травой и стаял в сырости, как забытая на ветру головня.

Долго ещё в овраге только и слышно было, как с лап капает роса да сипло ходит воздух в рёбрах Марека.

Он посидел у осины, выровнял дыхание, пощупал левый сапог. Юфть прорезана почти до подкладки, но портянка не промокла: клык не достал до икры каких-нибудь полпальца. Дёшево отделался. Шорнику работы до обеда и десяток медяков расхода, зато кость цела. Ушибленное плечо наливалось теплом, из царапины на запястье набежала капля крови.

Поднялся, поморщился от прострела в левом колене, выдернул пучок осоки и оттёр клинок досуха. Расщеплённую рогатину выдирал обеими руками, упираясь подошвой в горячий бок секача: перо закусило в хряще. Наконечник не погнулся. Кузнец пересадит на черноклён, ещё послужит.

Над ольшаником небо полиняло в мышиную хмарь конца вересня. С ели сорвалась ворона, хрипло сзывая товарок на свежину. Мешкать не годилось: к полудню с запада натянет дождь, глину на взвозе развезёт так, что конём не вытянешь. Марек срубил две ореховые жерди в руку толщиной, скрутил ремнями с лыком в волокушу, перевалил выпотрошенную тушу на лапник. Перекинул лямку поперёк груди и потянул добычу к просеке на Ольховый Взвоз.

* * *

К слободе он выбрался во втором часу пополудни. С лесопилки за рекой тянуло сосновой опилкой и дёгтем. Крайний двор егеря Саввы Кудрина лепился на отшибе, над съездом к плотам. Под навесом сушились веники зверобоя, висели пяльцы, а на дубовой матице чернел железный безмен.

Едва волокуша зашуршала по щепе у ворот, из-под дровяника вымахнул Дым. Крупный волкодав-подлайка в репьях по брюхо, с давним рубцом на левом ухе, ткнулся носом Мареку в ладонь, взвизгнул вполголоса и чинно уселся у сапога, кося жёлтым глазом на тушу. Выучку пёс знал: к битому зверю без команды не сунется, хоть слюна капай на гальку.

Марек потрепал холку, пахнущую сеном и золой, и стянул с плеча лямку.

С крыльца, придерживая поясницу и обтирая руки о фартук, спускался Кудрин. Борода в стружке, за ухом уголёк: видать, с утра тесал дранку на сеновал. Старик подошёл к волокуше, присвистнул и присел потрогать клык секача.

— Ну и леший, — протянул он, заглядывая под шкуру на грудине. — Боров с панского двора. Старостины работники вчерась божились, будто ростом с бычка, я ещё смеялся: у страха глаза по плошке. А он и рогатину твою в щепу измочалил. Сам цел?

— Голенище попортил, — ответил Марек, заводя крюк безмена под сухожилья. — Давай разом. Взяли.

Перекладина под навесом крякнула, гиря поползла почти до края линейки. Пока Савва пыхтел у блока, отсекал топориком грудинку для мирского ледника и кидал Дыму кусок обрези, с запада натянуло хмарь. Ветер с плёса посвежел, погнал по двору ольховый лист.

Считались на липовом чурбаке. Савва развязал кисет, выданный старостой Матеем из складчины, и выложил в ряд три серебряника да горсть медяков за шкуру. Плата честная: в «Сухом вязе» у пристани на одну такую монету можно декаду кормиться горячим с гречей и держать коня на овсе.

Марек сгрёб медь и два кружка в кошель, а третий ногтем пододвинул обратно.

— Ты чего чудишь? — нахмурился Кудрин. — Уговор при свидетелях: три серебряника с головы. Староста с кузнеца да лавочника по двадцать медяков стряс, не обедняют.

— Ганне-вдове занеси, — Марек затянул шнурок на поясе. — У неё вепрь ярку да подтелка задрал, до стуженья корову кормить нечем. Скажешь, от схода за потраву. Меня поминать ни к чему.

Савва открыл было рот поспорить, да махнул рукой, сунул монету за пазуху безрукавки и шагнул к печурке под навесом. Из чугунка валил дух взвара на чабреце, малиннике и мяте. Старик налил две кружки, придвинул одну гостю, с кряхтением опустился на кадушку и отлил себе кипятку в блюдце. Поставил его на растопыренные пальцы, принялся дуть на пар, а левой рукой почесал Дыма за рваным ухом.

Помолчали без неловкости. За поворотом реки трубил рог баржи, на мостках перекликались бабы с бельём. Горячее питьё выгоняло стынь из плеча.

— Сядь хоть ненадолго, не стой над душой, как волк по пороше, — отхлебнув, сказал Савва. — Дым и то смышлёнее: лёг у бока и ухом не ведёт. Оставался бы вечерять. Хозяйка груздей в сметане упреет, ковригу вынет. Куда тебе по слякоти семь вёрст месить, поди всю зорьку в воде просидел.

— Избу выстудит, с утра не топил. И шкуры убрать надо, пока не полило.

— Не дело бирюком вековать, — вздохнул старик. — Хотя грех наговаривать, прижился ты у нас. В первую осень, как избу у Старицы рубить стал, я заглянул поутру за скобелем, помнишь? Кликнул под оконцем, а ты на лавке спишь неразутый и руку под тюфяком на железке держишь. А нынче хоть лицом отпустило: яблони обрезал, колодезный венец сменил.

— Яблоням пора пришла, — отозвался Марек. — Разрослись волчки, плод измельчал.

— Да я не про яблони. — Савва прищурился поверх блюдца. — На пристани второй день мужики языками чешут, будто за тисами у альброндов колокола звонят и баржи со смолой на верхний причал не пускают. Померещилось плотогонам али и впрямь на меже неспокойно?

— Плеснёшь ещё взвару? — спросил Марек вместо ответа. — Дорога нынче скользкая, проморозило.

Кудрин крякнул, долил из чугунка до края и усмехнулся в бороду:

— Ну и кремень ты, сосед. С тебя слова клещами не вытянешь, коли сам не захочешь. Ладно, слушай тогда про проезжих, раз про реку молчишь. В полдень у кузни трое верховых мерина перековывали. Плащи мышиного сукна, без блях, сумы лёгкие, а сёдла одной шорной руки, казённые. Кузнец Клим сказывал, допытывались, держит ли Кривая гать за ольшаником к Старице. Я и смекнул: вдруг по давним твоим счётам шарят.

— Как держались?

— Старший сухой, в очках, на коня не покрикивал, а двое за спиной плечами ворочали так, будто весь выгон под ними ходит. Клим им подкову приладил, а один из молодцов ещё и в кузницу заглянул, угли поглядел, будто искал кого. Заплатили медью без сдачи и ушли шагом на ольшаник.

Кружка на мгновение замерла у губ Марека; большой палец левой руки скользнул по белесому шраму на костяшке. Он допил взвар до крошки на донышке и перевернул кружку на доску.

Скупщики ездят с обозом и ближе к первопутку, когда зверь вылиняет в зимнюю ость. Податные писцы выселок обходили третий год: оброк Марек платил вперёд через старосту, чтобы не светиться в приказе. Трое конных в казённых сёдлах и без знаков сулили другой разговор.

— Спасибо за тепло, Савва. — Он забрал наконечник рогатины, обмотанный рогожей. — К ночи дождь припустит, заложи ворота брусом и потемну со двора не выходи. Мало ли кого по тракту носит.

Егерь глянул снизу вверх цепко, понял всё с полуслова и расспрашивать не стал. Качнул головой:

— Ступай с оглядкой, сосед. А коли беда, рог мой слыхал, с Липового спуска до Старицы долетает. Да и Ганне я твой серебряник сегодня же снесу, пускай сена прикупит, пока на пристани не разобрали.

Назад охотник пошёл не гатью, а верховой тропкой через ельник и песчаную гриву, срезая две версты. Шагал ходко, с носка. Дым трусил чуть впереди, поводя ушами: пёс уловил перемену и больше не кидался в кусты нюхать лисьи наброды.

За полверсты до хутора с неба засеяла морось. Сквозь стволы проступили сучья сада и стрела колодезного журавля.

У калины он замер. Над коньком избы, запертой ещё затемно на висячий замок, тянулась нитка берёзового дыма. У прясла возле сарая переступали два поджарых жеребца под вощёными попонами, привязанные на развязную петлю. Третий конь наверняка стоял за баней у калитки, отсекая спуск к старице. Обложили грамотно, по полевому уставу внешнего отдела.

Дым у сапога заворчал, вздыбил ость на загривке и прижал рваное ухо.

Опустив ладонь собаке на темя, Марек уложил пса в папоротник под яблоней, одними губами велел лежать, скинул петлю с рукояти ножа и хозяйским шагом пошёл к крыльцу.

* * *

У столба навеса и возле сеней стояли двое в плащах мышиного сукна. Держались праздно, будто пережидали морось, но правый край у обоих закинут за спину, открывая потёртые ножны казённых полуторников; каблуки развёрнуты для выпада. Выучка столичной сотни, не гарнизонная.

Марек прошёл между ними, не сбавляя хода и не глядя по сторонам. Висячий замок качался на пробое с отщёлкнутой дужкой, без царапин: отперли служебным крючком либо печатью вскрытия. В сенях пахло кожей и конским потом. Он прислонил рогатину за кадкой, толкнул обитую войлоком дверь и на миг замер на пороге, слушая горницу и проверяя задвижку на заднем окне, не заклинена ли на случай ухода.

В избе гудела растопленная его же дровами печь, на столе теплилась сальная свеча в шандале.

Филипп Корсак не садился и поворачиваться не спешил. Прошёлся вдоль стены в застёгнутом дорожном кафтане, поправил двумя пальцами криво висевшее у рукомойника полотенце, сбил щелчком пылинку с обшлага и лишь тогда обернулся. За пять лет бывший начальник почти не сдал: невысокий, поджарый, с узким гладко выбритым лицом человека под пятьдесят, седеющими висками и круглыми очками в медной оправе, за которыми прятались выцветшие цепкие глаза и бухгалтерский ум.

— Неплохо устроился, Борта. Тихо, чисто. И до дороги семь вёрст буреломом.

— Зато гости редкие. — Марек не убирал ладони с рукояти ножа. — Обычно кто с тропы сбился. Ты, Филипп, дорогу не путал. Зачем свиту из дворцовой сотни притащил? Прежде ты по хуторам в одиночку ездил.

— Времена другие, и счета меняются.

Корсак вынул из кармана сложенный вчетверо серый лист, перевязанный бечёвкой, и положил на стол строго параллельно краю доски.

— Пять лет прошло, а почерк у Лукаша всё такой же корявый. Как курица лапой.

На свёрток хозяин избы не покосился. Шагнул к очагу, подцепил крюком закопчённый чайник, вскипячённый гостями без спросу, и плеснул кипятку в одну кружку: Корсак в чужом доме до конца торга воды в рот не брал.

— Лукаш на службе. Я нет. Передай поклон в контору и прикрой калитку, не то пёс соседских кур подавит.

— Лукаша Дрозда три дня назад убили в Ирвени, Марек. А за сутки до того в Верхнем Венце помер король Нарвис Талвис. Весть с поста доскакала нынче на рассвете.

Кружка опустилась на кирпичный шесток без стука. Над водой стоял парок, в поддувале треснула береста.

Марек обернулся, привалившись бедром к печному боку.

— В Ирвени ваш отдел открытого стола не держал. Засунули Дрозда в нору без страховки и обратной тропы. Как пять лет назад, когда меня выставили за ворота, чтобы большим господам спалось слаще. Кто тогда вексель на моё списание визировал, Филипп? Всё запамятую фамилию.

Корсак сцепил ухоженные пальцы за спиной, пропустив укол.

— Ничего личного, Марек. Служба не помнит обид, только незакрытые счета. Кроме тебя, в столицу альброндов сейчас войти некому. Кадровых у Внешних Врат развернут за версту или вздёрнут до полудня. У тебя кровь наполовину их породы, и опала по реестрам настоящая, врать не придётся. Войдёшь на Меновой Двор промысловиком с пушниной, заберёшь всё, что нарыл Дрозд, и приглядишься к принцу Таурису. Туда на венец съезжаются роды, а с межи несёт большой кровью.

— А ты сам-то веришь, что одного полукровки хватит удержать целую межу?

— Мне не нужен герой, Борта. Мне нужен человек, который принесёт правду с того берега прежде, чем верхние палаты подпишут сбор полков.

— Позвали чистить хлев за так — значит, в навозе взведён капкан. Поищи охотника в младших сотнях. У меня промысел на носу и навес не латан.

Филипп вздохнул, снял с переносицы очки, достал из обшлага платок и принялся неспешно протирать стёкла. Эту привычку Марек знал по десятку допросов: сейчас ляжет туз.

Надев очки, инспектор отстегнул сумку и положил рядом с письмом Лукаша, край к краю с аптекарской ровностью, гербовый лист с тиснёной звездой Арклайта и сургучной печатью.

— Читать при сальнике не неволю, назову цену вслух. Предписание закрыть Ольховый Взвоз на карантин на три декады по делу о скупке неучтённых рун. Первым в списке на гарнизонный подвал егерь Савва Кудрин, шестидесяти четырёх лет. В его возрасте на казённой соломе до весны редко дотягивают.

— У Кудрина в избе кроме топора да зверобоя ничего не водилось.

— На бумаге это не имеет значения. Опись займёт три декады, а в сыром подвале зима приходит рано. Посмотри лучше письмо друга, прежде чем упрямиться.

За перегородкой прошуршала мышь. Подойдя к столу, Марек поддел ножом бечёвку на письме Лукаша и развернул сгибы. От бумаги пахнуло костяной мукой и мездровым клеем резчиков по рогу. Четыре торопливые строчки без приветствия, а в углу вместо подписи росчерк в три чёрточки, птичий след дрозда ещё со времён лесных застав:

«Если ты читаешь это, меня в Ирвени уже нет. Тот, из-за кого нас развели пять лет назад, снова в игре. Не верь тому, что скажут про принца».

Сложить лист он не успел: за слюдяным оконцем двор залило рыжим заревом, снаружи хлопнуло, будто плеснули в огонь смолой.

За колодцем горел сушильный сарай с берестой, дубильным корьём и осенней пушниной. Занялся с двух углов разом. Багровые языки с треском лезли по дранке, швыряя в морось искры. От поленницы отходил один из латников, убирая в кошель огниво.

Корсак заглянул через плечо хозяина в слюду и брезгливо поджал губы.

— Топорная работа. Конвой мне навязали сверху, Витольда с напарником я не выбирал. Наказано проследить, чтобы тебя у Старицы до стуженья хозяйство не держало.

Отсвет пламени ходил по лезвию в опущенной руке Марека. До горла Корсака два шага. До косяка четыре; в тесных сенях латник полуторником не размахнётся. Уложить обоих у порога он успеет прежде, чем третий у калитки выдернет повод. А к утру в Ольховый Взвоз войдёт полусотня, свезёт Савву в железах в каземат, и за Лукаша в чужой столице спросить станет некому. На эту горячность и ставили те, кто сунул латнику огниво.

Пальцы разжались и снова легли на черен.

— В огонь клади.

— Что именно?

— Карантинную грамоту. На свечу. При мне, до самой печати.

Инспектор помолчал, вглядываясь при свете пожара в его иссечённые рубцом скулы и прищур серо-зелёных глаз. Затем взял лист за угол и поднёс к фитилю. Бумага свернулась трубкой, зашипела сургучом и осыпалась пеплом на блюдце шандала.

Убрав нож в ножны, Марек накинул петлю и назвал цену, глядя Корсаку в переносицу:

— Пятьдесят золотых в день возвращения. Завтра с утренним конным шлёшь старосте Матею охранный лист за своей подписью, чтобы дознаватели к Взвозу ближе десяти вёрст не совались. Третье: по закрытии счёта кладёшь передо мной вольную за большой печатью управления, без права призыва. Четвёртое: за межой хожу один, без соглядатаев и указок сверху. Не годится хоть слово, зови факельщиков, посчитаем издержки у порога.

— Вексель принят. — Корсак застегнул верхнюю пуговицу кафтана. — Конь под седлом ждёт у Кривой гати. Трогаемся в ночь, сроки жмут.

Сквозь пазы окон уже тянуло чадом палёной мездры и дёгтя. Лишних слов Марек не тратил: выдернул из-под лавки походный мешок, бросил туда рубаху, бечёвку, оселок, кресало, жестянку с барсучьим салом. Вынул из тайника за кирпичом печного душника кисет с десятком серебряников, письмо Лукаша убрал за подкладку куртки. Окинул взглядом избу, задул свечу и толкнул дверь.

Двор гудел как горн. Под яблонями с хрипотцой облаивал чужаков вскочивший Дым. От просеки через малинник выбежал без шапки запыхавшийся Савва с пожарным багром: почуял недоброе ещё засветло, едва троица свернула к Старице, двинулся следом по тропке, да поспел к самому дыму.

— Марек! — крикнул старик, поскальзываясь на глине у калитки и шарахаясь от коней. — С чего ж оно… бадью в колодец кидай, цепь трави!

В два прыжка Марек сошёл с крыльца, перехватил соседа у сруба, вынул у него из рук багор и отбросил в крапиву. На ступень с шипением падали хлопья пепла.

— Сарай не отбить, Савва, там смола и корьё. Зачерпни с колодца и плесни на угол избы да под застреху, чтобы искра в паз не залетела, а в огонь не лезь.

— Сам-то куда в ночь с котомкой? — Кудрин вцепился в рукав, переводя взгляд с пылающих стропил на Корсака в дверях сеней. — Неладно вышло, сосед?

— Отлучиться надо по давнему счёту. Вернусь до снега. — Марек свистнул подлетевшему Дыму, опустился на колено и вложил ошейник скулящего пса в пальцы егеря. — Уведи к себе, на цепь не сажай, он никуда не денется. И держи на прокорм да на тёс, если плетень поведёт.

Он сунул старику оба серебряника с кабаньей сдачи, не давая возразить. Дым дёрнулся было за хозяином, но у калитки Марек остановился и показал ладонью к земле:

— Сидеть, я сказал. Двор береги.

Пёс осел в траву, провожая его жёлтыми от пламени глазами. За спиной со снопом искр рухнула коньковая слега, но Марек поправил лямку на плече и шагнул за прясло в осеннюю морось, не оглядываясь.

Глава 2. За линией тиса

Туман первого утра жовтня стоял над просекой так плотно, что поодаль стволы тисов расплывались столбами, а на поводьях и пряжках оседал ледяной бисер. Ни ветра, ни птичьего посвиста. С хвои срывалась редкая капель да позвякивали удила уставших за три перехода коней.

Дальше разъездом идти не полагалось: за вросшим в мох валуном с высеченной чертой кончалось наместничество и начиналась земля альброндов, лесной ветви альвов.

Спешившись первым, Марек повёл плечами и подтянул подпругу на мохноногом мерине, навьюченном двумя тюками выдры и куницы. Пушнину на последнем посту подобрали настоящую: связки пахли полынью от моли, жиром и овином. Приёмщику на Меновом Дворе сразу ясно, что зверя правил таёжник, а не перекупщик.

Филипп Корсак слез со стремени тяжелее, расправил ворот корзно, стряхнул щелчком хвоинку с обшлага и знаком отослал конвойных под сосны. Оба отъехали за поворот. За три дня скачки Марек не перемолвился с Витольдом и напарником ни словом, а на ночлегах садился у огня так, чтобы факельщики оставались слева, на виду и вне броска.

— Держи расклад на слух, бумаг за черту не понесёшь, — Корсак встал у плеча мерина и выровнял перекошенную перевязь на тюке. — Король Нарвис Талвис сидел на троне сто двадцать зим и пограничных крикунов держал в узде, даже когда те требовали пустить кровь нашим сплавщикам. Детей у него двое: наследник Таурис да дочь Вайда. Ещё по весне Таурис шёл след в след за отцом, выходил к нашим старшинам на берег. А полтора месяца назад, в серпне, угодил в засаду у загородной мызы Виржи.

Марек проверил большим пальцем, легко ли ходит в ножнах нож, и поднял взгляд:

— Чья работа?

— В розыске никого не назвали. Объявили, что наследника едва довезли живым, три декады провалялся за ставнями на волосок от гроба, и кроме королевского целителя к нему никого не пускали. Зато когда вышел к старейшинам, парня словно подменили. За несколько дней отставил отцовских миротворцев, сошёлся с канцлером Ролдасом Гродисом из «Старых корней», а едва Нарвис умер — двинул лесные сотни к засекам. По их обычаю наследник принимает венец на закате, когда скрепит Большой Печатью первый указ. Подпишет грамоту о закрытии рубежа и расчистке просек — к стуженью полыхать будет от плёсов до отрогов.

— Лукаш кем там жил?

— Пять лет точил гребни да рукояти из рога в Нижних Террасах. С твоей биркой туда ходу нет, но Дрозд выправил цеховой допуск через вдовью мастерскую. За декаду до смерти передал с баржей две строчки: роет под серпневую засаду на мызе Виржи и нащупал нитку на нашу сторону межи. Большего прислать не успел. На Меновом Дворе в смоляных рядах найдёшь оценщика из полукровок, Юрко по прозвищу Щепа. Спросишь клёпку из зимнего дуба без гнилой заболони. Он водился с Дроздом и укажет крышу.

Корсак достал из-за борта свёрток замши и протянул разведчику. На лосине мигнули латунная звезда-маяк полевого образца и свинцовый кружок с печатью отдела.

— Маяк добивает на пятнадцать вёрст, заряд под завязку. Смять свинец успеешь, коли прижмут к воде: пост у Чёрного Ручья снимет отклик и подержит тропу открытой.

Марек поддел вещицы перчаткой, прикинул вес. От латуни в ладонь отдавало зудом свёрнутой формулы. Не раздумывая, он качнул кистью и бросил звезду с жетоном обратно в седельную суму Корсака.

Инспектор поправил очки:

— Память отшибло на заимке или спесь заела? Без связи ты в каменном мешке как на дне колодца, издержки считать некому.

— На дне я окажусь сразу же, если подойду к частоколу с твоим железом. — Марек обтёр ладонь о бедро. — В кабинетах совсем позабыли, кто у альброндов Внешние Врата караулит. Дозорного уболтаешь подорожной, а Пограничного Духа Межи чернилами не ослепишь. На нём весь рубеж держится. Любая ваша печать для него гремит за полверсты, как медный таз по лестнице.

— С пустыми руками полезешь? С одним ножом?

— С тем, что на слух не фальшивит. — Он разобрал повод мерина. — Полукровка-промысловик, которого пять лет тому свои вышвырнули из Арклайта без содержания, а три ночи назад пустили сарай по ветру. Привёл на Меновой Двор уцелевший вьюк, ищет на зиму вольного подряда подальше от людских начальников. В этом счёте, Филипп, ни одного кривого слова, а чистую быль лесной хозяин за обман не примет. Стой с разъездом за чертой две декады. Не выйду к сроку, значит, и маяк твой вексель не закрыл бы.

— А если выйдешь раньше?

— Подам знак костром с гребня над Чёрным Ручьём: сырой ельник, два дыма подряд. Только не держи Витольда в первой шеренге, когда поедешь навстречу. У меня к нему отдельный разговор остался, за сарай.

Корсак сухо кивнул, поправив очки:

— Учту. Береги голову, Борта. Другого полукровки с чистым реестром у меня в запасе нет.

Потянув мерина за узду, Марек шагнул за валун, не дожидаясь прощания.

Вскоре сосняк сменился заповедным бором: чёрные тисы в три обхвата вперемешку с грабами и выходами базальта. Тропа сжалась в горловину из плитняка. Ни пня от топора, ни кострища: альбронды столетиями не рубили засеку, а сплетали подрост так, что по бокам вставала колючая крепь из падуба и сучьев. Конный не сунется, пеший увязнет сразу же.

Через две склянки ровного хода мгла впереди потемнела, и дорога упёрлась во Внешние Врата Ирвени.

Людские остроги рубят из брёвен или кладут на извести; здесь базальт и живая древесина срослись так давно, что глаз терял границу между камнем и корой. Стволы тисов толщиной с вежу вырастали из скалы, смыкались высоко над головой сводом и сжимали корнями стрельчатый проезд с подъёмной решёткой. По карнизу ходили копейщики в тёмно-зелёных корзно, с каменных быков до земли свисали полотнища траурного сукна: шла первая седмица жовтня, по-здешнему Листолома, дни скорби по Нарвису.

Перед чертой переминалась утренняя вереница: две подводы с живицей, трое рослых авалийских приказчиков в морских епанчах да лудильщик с коробом. Очередь ползла еле-еле. Двое стражей с рогатинными копьями щупали кузова и сличали тавро на днищах.

Когда дошёл черёд Марека, старший привратник, альбронд годов на сто двадцать с виду, с прозрачными глазами и рубцом наискось скулы, смерил высокого, жилистого путника недобрым прищуром от латаного сапога до стриженных тёмных волос с проседью на висках, чуть заострённых полуальвийских ушей и серо-зелёных глаз. Чужеземцев тут терпели снисходительно, как подёнщиков, а полукровок на рубеже привечали хуже зверья.

— Откуда и зачем, полукровный? — спросил старший на торговом наречии, едва размыкая губы.

— С Глухой Старицы, под Ольховым Взвозом. — Марек остановил мерина у черты, держа ладони на виду. — Семь связок куницы да полторы дюжины выдры сдать в лабаз. Заодно поспрошать, не нужен ли купцам следопыт по найму.

Старший запустил пятерню во вьюк, раздул подпушек на крайней шкурке, помял мездру у хвоста. Скользнул ладонью по поясу Марека, вытянул на четверть простое лезвие без рун и со стуком всадил обратно.

— На людской стороне ловчим хлеба не хватает?

— Барщина поперёк глотки встала, а сарай на заимке три ночи как выгорел со всем припасом, — ответил Марек; от куртки за версту несло берёзовой гарью и палёной овчиной, нарочно не подделаешь. — Куковать зиму на головнях расчёта нет.

— Помни закон берега, пришлый. В дни скорби по государю Нарвису на Меновом Дворе ножа не вынимать, на верхние мосты глаз не задирать, с горожанами в споры не вступать.

— Мне бы шкуры сдать да коня накормить. До чужих мостов дела нет.

Альбронд промолчал, посторонился к стене, освобождая проход под арку, и вскинул подбородок дозорному на переходе:

— Под свод заводи, Гинтас. Повод бери под уздцы.

Путник ступил на вытертые плиты меж корней.

В тоннеле стояла хвойная полутьма, пахло сыростью, горькой корой и глиной. Ни сквозняка, даже траурное сукно у входа висело отвесно. Но едва он поравнялся с замковым сплетением ветвей, над головой в тишине колюче зашуршали иглы. Мерин всхрапнул, прижал уши и попятился, высекая подковами дробь.

По затылку и ключицам скользнуло касание, будто за шиворот ссыпали пригоршню снежной крупки, а следом кто-то огромный и безликий, как скала, прижал ухо к рёбрам. Пограничный Дух Межи не читал бирок. Он слушал нутро: не жжёт ли запястье чужая подневольная печать, не дремлет ли за подкладкой формула враждебного приказа, нет ли у прохожего хищной жадности к этому камню и этим корням.

Новичок из корпуса затаил бы дух и кинулся городить мысленный заслон, чем и выдал бы себя с потрохами.

Марек заслонов не ставил. Остановился посреди горла, положил ладонь на храпу мерина и выдохнул протяжно, как стоял бы на тропе перед медведицей, у которой не отнимает берлогу. Ни маяков, ни амулетов, ни видов Арклайта за ним не числилось. Одна усталость следопыта, остывшее пепелище за плечами да нужда найти след погибшего товарища и уйти своей дорогой.

Хвоя под сводом ещё недолго перебирала тишину, как ветер тресту. Потом гнёт с загривка ушёл обратно в базальт, ветви застыли, мерин отфыркнулся.

Привратник проводил крону косым взглядом, снял со штыря костяную бирку на гайтане с клеймом берега и бросил Мареку в горсть:

— Ход только по Меновому Двору до полуночного рога. Шагнёшь без вызова выше Первого Моста в Нижние Террасы — стража вздёрнет на месте, не спрашивая племени. Двигай.

За спиной легла в жёлоб решётка, отрезая тракт, а впереди сквозь туман ушла вниз речная котловина и развернулась громада Ирвени.

* * *

Кто судил об альброндах по трактирным байкам, ждал бы за стеной шалашей на ветках. Марек хаживал вдоль засек молодым, но саму столицу видел впервые и, спускаясь по серпантину, сбавил шаг, примечая ярусы, пролёты и башни.

Город поднимался над руслом Тарвы ступенями лестницы.

Пять базальтовых террас врезались в скалы ущелья, перекинув над быстриной стрельчатые виадуки. Ни времянок, ни щепы: дома в три-четыре этажа со сланцевыми кровлями в серебристом мху ставили из тёсаного камня на века, а углы и переходы оплетали выгнутые стволы граба и вяза. Внизу у Террасы Трёх Шлюзов ворочались водоподъёмные колёса, ползли вдоль скалы грузовые клети; с барж перекликались рогами кормчие. Над всеми уступами, в кольце белых кедров, светлели галереи и шпили Верхнего Венца. С каждого моста до пены свисали траурные полотнища, и притихший перед коронацией город казался вырубленным из глыбы аспида.

На Меновой Двор, втиснутый между амбарами и водой, вели через вторую арку. Тут гудела, толкалась и спорила единственная слобода, куда по биркам пускали пришлых. Несло сосновым варом, вяленой рыбой, овчиной и навозом.

Первым делом он пристроил мерина на постоялом подворье за пятнадцать медяков в сутки, сдал тюки под бирку в пакгауз до утра и завернул под рогожный навес к сапожнику. Одноглазый мастер-человек в засаленном фартуке глянул на прорез голенища, покачал головой:

— Клык полоснул, не нож. Кабан?

— Секач у старицы, — ответил Марек, присаживаясь на чурбак и разуваясь. — Положишь двойную латку на дратву?

— За пять медяков до полудня поспею. А ты надолго к нам, земляк? Не вовремя пожаловал.

— Пошто не вовремя?

— Государь помер, наверху роды грызутся. Вчера вечером у Первого Моста купца с овчиной за один кривой взгляд в колодки посадили, а нынче толкуют, будто перед короной подол вообще на цепь запрут.

— Успею сбыть пушнину, — сказал Марек, глянув на связку слесарного инструмента в углу верстака. — Почём уступишь пару калёных шил да моток медной проволоки? Упряжь в дороге подшить, а свой припас в сарае сгорел.

Сапожник прищурил единственный глаз, не стал задавать лишних вопросов, отмерил проволоку локтем и взял восемь медяков сверх латки.

Смоляные ряды жались к речному быку, где крючники катали по сходням бочки с живицей, дёгтем и канифолью.

Оценщика Юрко искать не пришлось: на него наседали с двух возов. Сутулый, вёрткий полуальв лет сорока пяти, с бегающими карими глазками, острым кадыком и заляпанным смолой передником, шнырял меж бочек куликом по отмели, на ходу ковыряя канифоль с озябших пальцев. Кончики ушей под шапкой чуть заострены. Выдернув лопаткой нитку смолы из шпунта, он сунул пробу под нос обознику и зачастил:

— Кому глаза туманишь, любезный, тут летняя подсочка по сухостою, в ней трухи на четверть пуда! Мне завтра перед старшиной спиной отвечать, а у верхних расправа быстрая: чуть сучок внутрь пошёл али заболонь гнилая, мигом бирку долой и за частокол! Полтора серебряника за бочонок, ни медяком боле, хоть к приставу кланяться ступай!

Обозник сплюнул под колесо, но ругаться перестал и полез за биркой.

Когда подвода отъехала к весам, Марек подошёл к дощатому столу под навесом, где Юрко строгал ножичком щепку. Тень накрыла приходную книгу; оценщик вскинул голову с заискивающей улыбкой, но прикусил язык, увидев шрамы на чужих пальцах и прямой прищур.

— Пушнину ниже по берегу вешают, земляк, у меня живица, вар да тёс, — забормотал Щепа, не выпуская лучинку.

— Мне бы клёпки присмотреть, — Марек опёрся ладонью о край кадки. — Из зимнего дуба, без гнилой заболони.

Ножичек замер в стружке. Юрко полинял до цвета речного ила, втянул шею в плечи, покосился на пристань, не идёт ли парный дозор в зелёных корзно, и отступил за штабель кулей.

— В уме ли ты при свете дня с такими присловьями ходить? — зашипел он, когда Марек встал рядом меж тюками. — Вышла клёпка, до щепочки! За такие спросы стража с меня шкуру спустит, как кору с молодой липы! Ступай подобру-поздорову, пока на крюк не вздели!

Приезжий не двинулся. Достал из кисета три серебряника и без звона сложил столбиком на днище бочки. В полумраке склада белый металл убеждал лучше слов.

— Лукаш мне весточку с птичьей лапкой прислал. Бранил почерк и велел у тебя спросить, где его верстак в Нижних Террасах. Выкладывай без причитаний: какой дом и кто возле вьётся.

Юрко облизал губы, цапнул кружок, попробовал край серебра на зуб и вёртко сунул все три монеты за отворот правого сапога. Выпрямился, снова принялся ковырять смолу на пальце.

— Справный был мужик мастер Дрозд, без спеси, хоть и людской, — зашептал он, глотая окончания. — Зимой мне на складень черен из рога выточил, медяка не взял. Жильё его во втором ярусе Нижних Террас, за Мостом Белого Мха: уступ Костяного Гребня, третья дверь под аркой. Над косяком железный кругляш качается, роговое веретено пробито, в темноте нащупаешь.

— Стража внутри осталась?

При слове «стража» Юрко по-черепашьи вжал голову в воротник и стрельнул глазами в проход, где по набережной топала четвёрка копейщиков с траурными лентами.

— Кабы осталась, я б с тобой и слова не шептал! Наверху после кончины государя такая грызня под сукном, что ищейки с ног валятся. В лавку к Лукашу пришли на четвёртое утро после скорбного колокола: хозяина нет, очаг выстыл, стружка не метена. Они дверь шнуром перекрестили, клеймо тиснули и ушли, даже часового пожалели. Решили, видать, удрал резчик до закрытия межи.

Большой палец Марека потёр шрам на костяшке. Двадцать восьмого вересня лавку опечатали пустой, а в тот самый вечер Корсак у Старицы уже читал бумагу о мёртвом Дрозде.

— После того к дверям подходили?

— С улицы ни души, печать цела, мне подручный из сукновальни шепнул, — Юрко придвинулся, дыша варом и луком. — Только сам красильщик клянётся: прошлой ночью, на третью после того утра, по сланцу над аркой кто-то прошёл. Мягко, ровно куница по насту, одна плитка у слухового оконца тренькнула. На мостовую не спускался, тем же ходом до зари и канул.

Под ложечкой потянуло холодом, но лицо Марека не дрогнуло.

— Дозоры там как ходят?

— Парами каждые полсклянки по Каменному Спуску. Да гляди в оба у фонтанной чаши перед подъёмом: там уличный дух-булыжник в цоколе дремлет, пришлых без городской метки не терпит, плитой поведёт и караулу знак подаст. Обойдёшь низом, по ливневому жёлобу за сукновальней, там камень мёртвый. И всеми пятью храмами заклинаю: попадёшься Калне али её людям — меня сроду не видывал, с полукровного в их башне три шкуры спустят!

Дожидаться новых вопросов Щепа не стал: бочком вывернулся из-за штабеля, подхватил лопатку и тут же, у возов, снова рядился с бочаром из-за треснувшего обруча.

До полуночного рога оставалось четыре склянки. Из теснины потянуло стынью, торговый гам на причалах стихал: купцы убирались на подворья и закладывали ставни.

У парапета над Тарвой Марек вынул шило и в несколько нажимов о скол камня загнул жало крючком под пружину замка. Спрятал отмычку в карман, проверил локтем письмо Лукаша за подкладкой и поднял глаза к скале. Над крышами, вдоль галерей Верхнего Венца и по мостам один за другим разгорались ночные споровые фонари, заливая ступени чужой столицы зеленоватым светом.

Глава 3. Холодный ожог

Хоронить живого человека в бумаге за трое суток до того, как к нему полезут через крышу, в старом отделе умели в одном случае: покойник заказан наперёд, а весточка об исполнении ушла раньше ножа.

Марек стоял в нише за бочарным лабазом, пережидая смену привратников на карнизе. Цифры не вязались. Двадцать восьмого вересня здешняя стража опечатала пустую лавку Лукаша, в тот же вечер Корсак объявил его мёртвым, а прошлой ночью, с тридцатого на первое, кто-то в мягкой обуви прошёл по крыше над аркой. Либо Дрозд трое суток отсиживался в городе и вернулся за припрятанным, либо убийца пришёл зачистить хвосты.

На реке протрубил береговой рог. До полуночного запирания ворот оставалось чуть больше двух склянок. Марек надвинул шапку, упрятал под рубаху костяную бирку, чтобы не стукнула о пуговицу, и скользнул за угол сукновальни.

От чанов несло прокисшей шерстью и щёлоком. Выше мостовая раздваивалась у восьмигранной чаши водоразбора. Свет спорового фонаря падал на приземистый цоколь. Издали простая кладка из тёсаного базальта, только меж плит не росла трава, а кошки обходили площадку дугой. Испытывать уличного духа Марек не стал: свернул правее в пересохший ливневый жёлоб за сушильными рамами.

Под подошвой пружинил мох с вязовым листом. Ни отклика, ни дрожи в кладке. Жёлоб вывел за спину цоколя к предмостью.

Мост Белого Мха висел над тесниной Тарвы одним пролётом: клинья базальта сплелись с корнями граба. Внизу ворочались колёса шлюзов, скрадывая шорох. Прижавшись к парапету, охотник пропустил парный дозор: двое копейщиков с траурными перевязями спускались по Каменному Спуску.

Едва шаги стихли за поворотом, открылось окно, меньше полсклянки.

Второй ярус Нижних Террас встретил теснотой. Дома цехов стояли плечом к плечу, ставни на запоре. Сверху со скалы тянуло сырым мхом и дымком дубильных печей; в тёмном переулке за стеной скрипело колесо точильщика, потом смолкло. У проходной арки Марек замер в тени столба, пропуская запоздалого красильщика с коромыслом и парой ведёр. Человек прошёл в двух шагах, ругаясь под нос на поднятые подати и траурные заставы, и скрылся за углом. Уступ Костяного Гребня нашёлся за вторым проулком по стуку вывесок.

Под аркой фонарей не жгли. Третья дверь слева чернела в нише. Над притолокой нащупался железный кругляш с прорезным веретеном; ниже щель перехватывал вощёный шнур с бляхой королевского дознания. Края воска не крошились: с мостовой сюда не ломились. Над косяком темнела трещина в кладке, замазанная свежей известью, а сбоку у ступеней валялась брошенная ветка тиса, принесённая кем-то в дни скорби и уже почерневшая от сырости.

Зато за углом вдоль скалы тянулся продух для выноса золы.

Боком Марек добрался до вязовой двери, встал на колено и вынул загнутое шило с медной петлёй. Замок кузнечный, две сувальды, не дворцовый. Медь взяла натяг засова, жало со второго нажима поддело пружину. Щелчок утонул в гуле шлюзов.

Приоткрыв створку, он скользнул в чулан, притворил полотно и затаил дыхание, слушая дом и примечая в сумраке просвет лестницы. Вдоль стены тянулись полки с оленьими рогами, разложенными по весу и толщине, стоял чан с опилками и связка дубовых клиньев. Ремесло у Лукаша было в таком же порядке, как некогда походный ранец на заставе: всё на своём гвозде, чтобы взять на ощупь в темноте.

Тихо. Ни дыхания, ни мышиной возни.

Под носком сапога хрустнул комок. Марек присел, собрал находку ладонью и поднёс к полоске света под косяком.

Среди сланцевой пыли лежал сбитый подковкой комочек ярко-рыжей глины, подсохшей снаружи и вязкой на разломе. На пальце остался охристый мазок с запахом железной руды.

Во всей Ирвени под ногами лежал базальт либо сизый ил Тарвы. Рыжей рудной глины на террасах нет. Кто бы ни входил этим порогом, сапоги он вымазал далеко за Внешними Вратами. И выходил не торопясь, закрыв за собой дверь на защёлку, чтобы со двора не дуло и никто из соседей не заглянул поутру.

Оторвав от подола рубахи лоскут, Марек собрал глину до крошки, свернул узелком и убрал в поясной кошель.

* * *

Из чулана проход вёл в мастерскую резчика. Ставни забраны изнутри засовами, но глаза быстро привыкли к полумраку.

На верстаке в порядке лежали пилки, лучковые свёрла, пемза и недоточенный гребень из лосиной лопатки. Першило от роговой муки и застывшего клея. У самой кромки пристроился кривой косарь с обмотанным кожей череном; на нём белела косая зарубка. Марек узнал этот нож: восемь лет назад на заставе под Высечками Лукаш выменял клинок у обозного кузнеца за две куньи шкурки и с тех пор не расставался с ним ни в карауле, ни на привале. Смеялся, будто лучше косаря ничто рога не берёт. Теперь инструмент лежал в стороне от дела, припорошенный мукой.

Рядом на табурете стояла прикрытая дощечкой миска с засохшей пшённой кашей и деревянная ложка. Очаг давно прогорел, но на железном листе перед топкой сохранился обрывок скрученной бересты для растопки. Марек тронул пальцем край миски: корка затвердела дня два-три тому. Ни опрокинутых табуретов, ни развороченных ларей: три утра назад стражники заглянули с порога, увидели пустую постель и ушли. Обыска они не затевали. Даже оловянная кружка на полке и запертый ларь с роговыми заготовками стояли на месте.

Но сквозь запах кости и сала из-под половиц тянуло железом и медным холодком, который ни с чем не спутаешь.

Сперва он проверил верх. Поднялся на носках по лесенке к лазу, приподнял ляду. Под сланцем гулял ветер: крючок слухового оконца сняли полоской стали снаружи, на подоконнике белел скол кровельного камня. У стропильной балки зацепилась тонкая нитка мышиного сукна, слишком частая для цехового кафтана. На пыльной балке в полушаге от лаза угадывался смазанный след мягкой подошвы без гвоздей и каблука. Гость вошёл верхом, прошёл по балкам без скрипа, спустился в горницу к спящему или ждущему резчику, а вышел через чёрный ход, где и обронил глину.

Спустившись, Марек присел у верстака. В белой пудре у ножки темнела полукруглая проплешина: стол двигали от стыка в настиле, а после припорошили стружкой. Кто-то заметал следы впопыхах, но без паники, аккуратным взмахом веника.

Он упёрся плечом в брус, подал верстак в сторону без скрипа и поддел ножом железное колечко люка.

Из ямы дохнуло погребом. Чаны для вымочки рога стояли пустые с весны. Следопыт спрыгнул на щебень, снял с полки роговой ночник, высек искру на фитиль и прикрыл огонь ладонью.

Лукаш Дрозд лежал на спине у стены поверх мешка из-под стружки. Кряжистый, широкоплечий, пятидесяти не разменял, а казался меньше и тише прежнего. Сбитые о резец руки с костяной пылью под ногтями сложены у живота; пряжку ремня с зазубриной Марек помнил по северным заставам. Седины в русой бороде прибавилось, скулы заострились, но в углах глаз застыли лучики усмешки, с какой он травил байки у костра. Ударили спереди и так быстро, что старый полевик едва успел тронуть сапожный косарь.

«Прощай, Дрозд, — беззвучно подумал Марек, глядя на знакомые руки. — Не уберёгся ты в чужой слободе».

Он опустился на колено, тронул тыльной стороной пальцев щёку, проверил локоть и челюсть.

В яме окоченение ещё держало плечи. Пятно под воротом лишь по краям взялось коркой, внутри оставалось густым. Ни зелени у висков, ни тлена.

Лукаша убили никак не шесть суток назад. Он лежал здесь от силы день, со вчерашней ночи тридцатого вересня.

В груди стало пусто, как на лесном палу. Двадцать восьмого Корсак читал у Старицы бумагу о мёртвом Дрозде, а Лукаш в тот час был жив и прятался где-то здесь. На людской стороне его списали в покойники за двое суток до того, как клинок нашёл его под этой крышей. Кто послал ту сводку на заставу раньше удара? Тот, кто заранее оплатил нож и не сомневался в исходе.

Отведя разрез под левой ключицей, Марек приблизил ночник.

Кололи один раз, сверху вниз до сердца, узким лезвием с тонким ребром. Крови почти нет. Края кожи спеклись в угольную коросту, словно вогнали раскалённый прут, а поверх ожога блестела бахрома белых игл.

Он тронул кромку мизинцем. Иней не таял; подушечку резануло ломотой, будто палец прикипел к железу на морозе.

Двойная насечка в одной оправе. Огонь и Холод, «обжигающий холод».

В полковых кузнях две враждебные стихии на узкой полосе не сводили: рядовая оправа разлеталась на третьем ударе. Пять лет назад в Арклайте Марек вышел на единственного столичного мастера, ковавшего такие клинки под заказы с верхнего этажа. Через трое суток его выставили за ворота без выслуги, а Лукаш сжёг расписки и ушёл в тень, спасая напарника.

«Тот, из-за кого нас развели пять лет назад, снова в игре».

Марек поправил ворот на груди друга, задержал ладонь на холодном плече и задул фитиль. Прощаться словами он не умел, а счёт стал короче некуда.

Выбравшись наверх и опустив крышку в паз, потому что двигать верстак назад времени не оставалось, он шагнул к печурке в углу, где грели клеевые горшки. Запустил шило в зольник под колосником, ворошил пепел, пока сталь не зацепила скрученный уголок листа у задней стенки.

Бумага плотная, дворцового отлива. В зелёном просвете из щели ставня на обгорелом поле проступило рельефное тиснение: скрещённые ветви тиса под венцом, знак королевской мызы Виржи. По косому краю уцелело полторы строчки убористого лекарского почерка:

«…третий день по ранении: край плечевого шва чист, лихорадки не…»

Остальное съел огонь. Больше в золе ничего не было; стало быть, главный свёрток Лукаш успел спрятать где-то ещё, а сжёг только лишний край. Но и уцелевшей строки хватало с лихвой: если на третий день после серпневой засады на мызе Виржи рана принца стояла чистой и без жара, зачем здорового наследника держали за ставнями три декады под видом умирающего?

Разгладив клочок на колене, Марек убрал его за подкладку куртки, к письму Лукаша.

* * *

Едва он развернулся к чулану, слух резанула тишина за фасадной стеной.

По счёту с Каменного Спуска пора было пройти встречному дозору, но лестница молчала. Зато за уличной дверью скрипнула кожаная петля арбалетного стремени, и сквозняк из-под порога оборвался: щель перекрыли сапоги.

Печать на косяке не позабыли. Оставили приманкой, заметив засветло скол сланца у чердака.

В следующий миг шнур лопнул от рывка ломиком. Дверь грохнула о стену. В лавку клином ворвались двое в зелёных корзно, срывая шторки с фонарей.

— Алдис, к лазу! — бросил передний, беря наперевес захватную рогатину.

Зелёный луч полоснул по верстаку и краю ямы. Марек не тронул ножа: пустить кровь страже значило подписать себе петлю до допроса. Носком сапога он поддел чурбак у наковальни и швырнул низом по голеням переднего, а левой рукой смахнул со стола короб с костяными черенками.

Удар о щиколотку слился с градом раскатившегося рога. Передний копейщик, Римас, с выдохом осел на колено и зацепил древком напарника. Выбитый фонарь покатился под ларь, швыряя по стенам тени.

Заминки хватило. В два прыжка Марек ушёл спиной в горловину чулана, захлопнул перегородку, заклинил скобу шилом и рванул дверь чёрного хода. В простенке древком не размахнёшься, а за сукновальней ждал водосток.

Он вымахнул за порог и на полушаге жёстко загасил ход каблуками.

Проход между скалой и стеной перекрывала невысокая фигура в застёгнутом офицерском корзно с серебряной пряжкой у ключицы. Ни фонаря, ни лишнего жеста: альброндка ждала в тени карниза, развернув плечи на всю щель, большой палец сбросил ремешок с устья ножен.

Марек качнулся вправо, срезая дистанцию, чтобы прижать её к скале, пока сзади под ударами сапог трещала дверь чулана.

Она не дрогнула. Шаг навстречу срезал разгон. Левое предплечье клином приняло его кисть и впечатало запястье в базальт. Сверху с подпорной стенки щёлкнули, становясь на взвод, два ореха самострелов. Позади вылетела филёнка, отрезая отход, и из пролома донёсся окрик второго стражника:

— Госпожа Калне! Под верстаком яма вскрыта, там резчик неживой!

Отсвет уличного фонаря лёг в простенок, выхватив резкие скулы, тёмную косу под воротником и светло-серые глаза. Дознавательница Калне чуть склонила голову к правому плечу, разглядывая ночного гостя без крика и суеты. Из пролома вывалились оба стражника с поднятыми копьями, тяжело дыша и щурясь на фонарь.

— Ноги у него целы, сотник, — доложил младший, потирая ушибленную голень. — В яме покойник остыл ещё ночью, а чурбаком мне чуть щиколотку не свернул.

— Не суетись, Римас, — не отводя взгляда от пленника, обронила Калне. — Нож за поясом у него сухой, кровью не пахнет. Кто убийца, а кто опоздавший гость, разберём при огне.

Нажим стали стал тяжелее. Трёхгранное остриё упёрлось Мареку под челюсть, прижав кожу над сонной жилой так, что в металл толкнулся пульс. Марек медленно развёл пустые ладони на уровне плеч и выдохнул ровно, без дрожи:

— Если сталь не приберёшь, госпожа дознавательница, говорить будет нечем. Я пришёл сюда через сутки после убийцы, и человек в погребе был мне другом.

— Руки на виду, полукровный. Кто прислал, во сколько вошёл и чем колол мастера? Дёрнешься на палец — проверю сталь быстрее, чем назовёшь имя.

Сверху со стены звякнула тетива самострела. Снизу от Тарвы дохнуло сырым речным туманом, и Марек понял, что в Ирвени он уже не сторонний купец, а узник чужого дознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.